

А. С. Исполинов*

СТАТУС МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Несмотря на то что Международный суд ООН заявил в одном из решений о том, что международное право имеет приоритет перед правом национальным¹, можно согласиться с утверждением, что современная практика отнюдь не показывает общего согласия государств на верховенство норм международного права в национальных правопорядках².

С вопросом примата международного права тесно связана проблема прямого действия норм международного договора. Под прямым действием понимается в этом случае ситуация, когда частные лица используют нормы международного договора, а не национального законодательства для обоснования своей позиции при рассмотрении спора в национальном суде, а национальный суд при разрешении дела применяет именно эти нормы для разрешения спора.

Вопросы о допустимости действия норм международного права, а также о степени такого действия решаются каждым государством самостоятельно. Как пишет один из видных исследователей международного права, «отсутствие обязательной или автоматической действительности и верховенства (норм международного договора. – *А. И.*) означает, что государства свободны определять в соответствии со своими правовыми системами условия и последствия их прямого действия (эффекта)»³.

Страны по-разному подходят к проблеме прямого действия норм международных договоров.

Исследователи отмечают, что прямое действие возможно только тогда, когда страны устанавливают (например, в конституциях) приоритет норм международного права перед национальным законодательством. Самая жесткая из форм приоритета возникает, когда провозглашается, что международный договор будет иметь приоритет перед внутренними законами, принятыми как до, так и после вступления в силу международного договора. В этом случае международный договор может стать в один ряд с конституционным законом. Если же на это накладывается допустимость прямого применения норм международных договоров (т. е. их использования в национальных судах для отмены национальных актов), то это государство может оказаться в непростой ситуации, когда его возможности принимать нормативные акты (в частности, реагировать на быстро меняющиеся экономические и политические обстоятельства) будут серьезно ограничены.

Как отмечают исследователи, такая ситуация может быть допустима и даже приветствоваться в случае, например, с международными договорами о защите прав человека, но она же может привести к существенным ограничениям сувере-

* Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

¹ ICJ, Advisory opinion on the applicability of the obligation to arbitrate under Section 21 of the United Nation Headquarters Agreement // ICJ Reports. 1988. P. 34.

² Nollkaemper A. The direct effect of public international law // Direct effect: rethinking a classic of EC legal doctrine / ed. J. M. Prinssen, A. Schauwen. Groningen, 2004. P. 165.

³ Ibid. P. 167.

нитета, если речь идет о вопросах экономического характера (таких как налогообложение, защита прав потребителей, вопросы окружающей среды)¹.

На практике национальные суды тех стран, где законодательно провозглашен монизм в сочетании с прямым действием международных договоров, все равно стараются найти выход для смягчения чрезмерной жесткости конструкции, используя для этого различные подходы (разрешая прямое применение не всех договоров, а только договоров определенной группы, допуская прямое действие договоров при соблюдении ряда условий, где не последнюю роль играет принцип взаимности, и т. д.).

Это дает основания утверждать, что ни одна страна в мире не является полностью монистической. Дж. Джонсон, рассматривая практику государств в отношении действия международных договоров в национальном праве, высказал мнение, что для государств лучшим выходом было бы исходить по умолчанию из того, что международные договоры не имеют прямого действия (за исключением договоров о защите прав человека)².

В пользу этого вывода он описывает риски прямого действия норм международного права: «Так же как возможно все нормы национального законодательства, которые являются творением человека, так и многие нормы (международных. – А. И.) договоров не будут безупречными. На самом деле велики шансы того, что положения договоров будут даже более двусмысленными, чем внутренние нормы (в силу трудностей при достижении консенсуса), и получается, что эти расплывчатые нормы договора будут в дальнейшем использованы для того, чтобы оспорить национальные нормы. Также неясные нормы договора могут быть позднее истолкованы международными учреждениями таким способом, который будет подрывать национальные правила. Картину можно дополнить тем, что многосторонние договоры, как правило, более сложны для внесения изменений, чем национальные нормы, а также для того, чтобы эволюционировать в тандеме с экономическими и общественными обстоятельствами (конкретного государства. – А. И.)»³.

В России основы взаимодействия международного и национального права установлены в ст. 15 Конституции РФ, в ч. 4 которой говорится о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» в ч. 3 ст. 5 устанавливает, что положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в России непосредственно.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» сказано, что «суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации бы-

¹ Jackson J. Direct effect of the treaties in the US and the EU, the case of WTO: some perception and proposals // Community and change in EU law. Essays in honor of F. Jacobs / ed. A. Arnulf, P. Eeckhout, T. Tridimas. Oxford, 2008. P. 365.

² Ibid. P. 381.

³ Ibid. P. 339.

ло принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации».

Таким образом, в российском законодательстве и постановлениях высших судов закреплён самый жесткий вариант приоритета норм международного права перед правом внутренним: приоритет международных договоров перед законами, принятыми как до, так и после вступления в силу международных договоров (по крайней мере, тех из них, согласие на обязательность которых было зафиксировано в форме закона).

На все это накладывается провозглашение прямого действия норм международных договоров (в первую очередь имеющих силу закона). Полученная в итоге монистическая конструкция ставит Россию перед всеми теми рисками, с которыми сталкивается любая страна, избравшая путь монизма, и о которых уже говорилось. Именно осознание этого обстоятельства дало основание ряду отечественных исследователей прийти к выводу о том, что проблема далека от доктринальной ясности и требует обсуждения. Так, Б. Л. Зимненко пишет, что «анализ отечественной доктрины, действующего законодательства РФ не предоставляет возможности определить юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации, соотношение этих норм с правилами, содержащимися в источниках национального права России»¹. С ним солидарен С. Ю. Марочкин². Пора признать, что мир оказался гораздо более сложным и даже циничным, чем виделось 20 лет назад при разработке нынешней Конституции. Статья 15 Конституции в современной редакции вряд ли соответствует интересам страны на сегодняшнем этапе, поскольку лишает ее возможности проводить собственную внешнюю и внутреннюю политику.

Список литературы

ICJ, Advisory opinion on the applicability of the obligation to arbitrate under Section 21 of the United Nation Headquarters Agreement // ICJ Reports. 1988.

Jackson J. Direct effect of the treaties in the US and the EU, the case of WTO: some perception and proposals // Community and change in EU law. Essays in honor of F. Jacobs / ed. A. Arnulf, P. Eeckhout, T. Tridimas. Oxford, 2008.

Nollkaemper A. The direct effect of public international law // Direct effect: rethinking a classic of EC legal doctrine / ed. J. M. Prins, A. Schauwen. Groningen, 2004.

Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть. М., 2010.

Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011.

¹ *Зимненко Б. Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть. М., 2010. С. 266.

² *Марочкин С. Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011. С. 87.